

О

Станиславе Юрьевиче Куняеве услышал я впервые много-много лет назад, в пору нашумевшей в советское время дискуссии «Классика и мы». Казалось бы, с чего бы тогда защищать классику и традицию, когда их вроде и так никто не обижает?

Но по ожесточенности дискуссии стало понятно: защита классики — дело несправное, если классика и традиция стали предметом таких страстей. Сейчас, оглядываясь на прошлое, понимаешь, что были эти «страсти по классике» предупреждением, что рядом с нами зреют силы, рвущиеся разорвать страну на части... Но тогда, в советском кажущемся благополучии, это поняли далеко не все. А под обстрелом оказался вызвавший на себя огонь всех либеральных батарей зачинатель дискуссии — поэт Станислав Куняев. Он «осмелился» сказать, что русская классика и национальная русская культура являются единственным спасением для советской литературы. Отшумела, отгремела дискуссия, и понемногу началось планомерное оттеснение на задворки литературы, исповедующей традиционные и классические ценности.

Поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева. Строчку «Добро должно быть с кулаками» цитируют все, кому не лень, сегодня она актуальна, как никогда. Но мало кто знает ее автора, считая строку народной. Хотя, может быть, это и есть лучшая похвала поэту?

Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
не отпущение грехов.

Написанное более полувека назад стихотворение не утратило свежести звучания. Да и не утратит никогда, как никогда наш народ внутренне не смирился с тем, что если тебя ударили по правой щеке, надо подставить левую.

В патриотических кругах писателей-почвенников и государственников Станислав Юрьевич имеет репутацию стального человека. Он — сторонник дела, а не созерцания. Глубоко уважая его активную гражданскую позицию, хочу все-таки поразмышлять о Куняеве-поэте. Выход новой книги стихов — отличный повод для этого. Ведь по признанию самого автора, книга его избранных стихотворений «Сквозь слезы на глазах...» — итог многолетней творческой работы.

«Составляю свою последнюю, может быть, книгу и долго размышляю над каждым стихотворением: оставлять его для сегодняшнего читателя или нет? Не потому, что мне стыдно за какие-то стихи. К власти я за все сорок лет своей, как говорят, творческой жизни не подлаживался, в лениниану никакого вклада не внес, никаких масок на лицо не напяливал. Был верен завету, который сформулировал для себя еще в 1963 году:

Пишу не чью-нибудь судьбу,
свою от точки и до точки,
пускай я буду в каждой строчке
подвластен вашему суду.
И все же кто-нибудь поймет,
где грохот времени, где проза,
где боль, где страсть, где просто поза,
а где — свобода и полет!

Смотрю, перелистываю книги, перечитываю, взвешиваю... Вырисовывается определенная картина: в одних стихах жизнь, энергия, вдохновение как бы поувяли, чуть-чуть иссякли, израсходовались. Вот их, постаревших со временем, я в эту книгу включать не буду. Оставляю те, в которых жизнь сохранилась в свежей полноте, те, которые люблю, как в молодые годы...»

Стихи Станислава Куняева о трагической судьбе России звучат как никогда актуально. Автора это не может не радовать, но как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь: раз стихи в защиту родной земли не устарели, значит, она по-прежнему в беде. Разве что «страшилки» для русского человека поменялись. Раньше пугали «лишь бы не было войны», сегодня пугают «лишь бы не вернулись лихие девяностые». Опасаюсь и радуюсь одновременно: актуальной остроты, судя по всему, поэзия Станислава Куняева еще долго не потеряет.

В гражданской войне победителей нет,
поскольку она без конца
Хоть семьдесят лет, хоть сто семьдесят лет,
коль сын отвергает отца...

Сегодня, когда обуржало русское, как во времена феодализма, расколото по линии «роскошь-нищета», гражданская война уже идет, не всегда нами замечаемая...

Вовсе не железным, а радушно суровым увидел я Станислава Юрьевича во время нашего первого личного знакомства. Это было в суровые 90-е годы, когда после приема в Союз писателей России я стал иногда приезжать в Москву, чтобы глотнуть литературного воздуха общения с коллегами и снова залечь в свою самарскую сельскую глубинку.

В Самаре вышел сборник моих рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки» — книга для меня особая, потому что предисловие к ней написал сам Валентин Распутин. Признаюсь, не терпелось показать ее писателям столицы. Приехав в Москву, я перво-наперво направился на Цветной бульвар в редакцию журнала «Наш современник».

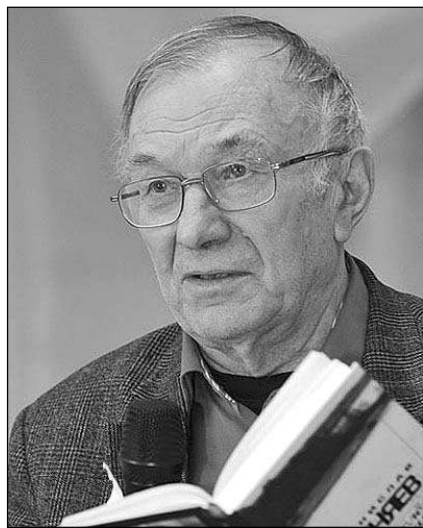
Несмотря на голодные времена, народ в глубинке журнал выписывал, читал, искал ответы на свои вопросы и очень уважал за правдивость. А напечататься в «Нашем современнике» мечтали многие, если не все, писатели России. Мечтать не вредно, и вот я у Куняева в кабинете.

Почаевничали, вручил ему свою книгу. Куняев пролистал ее: «Это предисловие Распутина я уже читал в «Роман-журнале XXI век». Написано кратко, ясно и главное — тепло. Как тебе удалось выйти на Распутина? Он ведь очень редко пишет предисловия и только к достойным книгам». Тут я, конечно, разомлел и рассказал о читинском семинаре молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, о нашем очень давнем знакомстве с Распутиным, о последующем счастье общения с ним. Куняев, даром, что занятой человек, слушал внимательно...

Впоследствии мы со Станиславом Юрьевичем встречались не только в стенах редакции «Нашего современника», но и в правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, в московском Храме Христа Спасителя на Всемирном русском народном соборе, на всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске... А на страницах журнала «Наш современник» появились мои эссе о писателях России, об их книгах. Здесь же, в редакции, я познакомился с выдающимся русским поэтом Юрием Кузнецовым. Московские писатели поговаривали, что Кузнецов и Куняев «друганы» и соратники, потому Куняев и пригласил Кузнецова работать в журнале заведующим отделом поэзии.

Вышедшая впоследствии книга Станислава Куняева «У бездны мрачной на краю» подтвердила, что так оно и было. Это была книга воспоминаний и размышлений о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова. Горжусь, что она есть в моей домашней библиотеке, причем, с автографом Станислава Юрьевича: «На добрую память истолкователю наших текстов Эдуарду Анашкину от автора этой книги, написанной печальным пером. Ст. Куняев. 5.12.2015 г.»

Приятно быть толкователем стихов, в которых есть толк не только литературный, но и жизненный — для судьбы России, для души русского человека. А в каж-

Станислав Юрьевич Куняев

дом русского человеке старшего поколения, сам является непременно живет человек советский. Не всегда они уживаются в душе мирно... Примирению русского с советским Куняев посвятил многое в своем поэтическом творчестве. Строки другого его известного стихотворения, наверное, звучали едва ли не как вызов архиправославным патриотам:

Реставрировать церкви не надо:
пусть стоят, как свидетели дней,
как вместилища тьмы и смрада
в наготе и в разрухе своей.

Как показала жизнь, не вызов это был, а хуже — пророчество, и оно сбылось. «Как это, не надо реставрировать церкви?» — небось гневно воскликнул иной православный. Но разве нынешнее активное строительство храмов смягчило бессердечие власти? Разве сегодня всяк чиновник, сверху до низу, не считает своим перейшим долгом плюнуть в великое советское прошлое?

Поэт признался как-то, что когда написал последнюю строфу стихотворения «Реставрировать церкви не надо...», сам был в недоумении.

...Все равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймет,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер УГРЮМО поет...

Вот и мы спустя десятилетия после написания этих строк задаемся вопросом: «Почему русский ветер угрюм, если храмы реставрируются?» А тогда поэт упорно пытался найти для стихотворения другое слово вместо «угрюмо», словно стараясь себя убедить: как только начнут восстанавливаться церкви — Россия воспрянет.

Но стихотворение столь же упорно отвергло все попытки автора заменить эпитет на более оптимистичный. С горечью надо признать, что гражданская поэзия Куняева оказалась сильнее эпохи, в которую создавалась, потому что пережила XX век и шагнула в новое тысячелетие.

Однако русский поэт остается поэтом во многом наперекор реальности, потому что понимает — несмотря на печальные земные реалии над Россией распространена небесная благодать, и никакие суетные искушения не в силах ее свести на нет. В этом, может быть, и заключена тайна бессмертия стихов.

Как посветлела к осени вода,
как потемнела к осени природа!
В мое лицо дохнули холода,
и снегом потянуло с небосвода.
Мои края, знакомые насквозь:
пустынный берег, подзавалье, речка...
Так кто же я — хозяин или гость?
И что у нас — прощанье или встреча?
От холода я задремал в стогу,
как зверь, готовый погрузиться в спячку,
проснулся, закурил на берегу
и бросил в воду скомканную пачку,
и не решил, что ближе и родней —
вчерашний шум березы отшумевшей
или просторы прибранных полей
и тусклый свет травы заиндевшей.

И, затаившись горестным дымком,
спасая тело от осенней дрожи,
я вдаль глядел и думал об одном:
чем ближе ночь — тем родина дороже.

Это написанное в далеком 1966 году стихотворение и многие другие классические стихи Станислава Куняева останутся навсегда в русской поэзии. И будут жить даже в ту «пору прекрасную», в которую, вспоминая классика, жить не придется людям нашего поколения. В пору, когда, по словам Пушкина, Россия «вспрянет ото сна».

Они пребудут в русской душе до тех пор, пока русский человек будет способен беседовать с Богом, выходить на берег распахнувшейся ему навстречу родной реки детства и тихо понимать, что родину надо любить не только весной. И не только, когда на Родине светло и хорошо...

